

Работа конницы въ военное время, въ связи съ ея организаціей и обученіемъ въ мирное.

Въ великіе дни памяти 1812 года невольно въ голову приходятъ сравненія. Конница прошлаго вѣка въ Отечественную войну покрыла себя неувядаемыми, вѣчно поминаемыми лаврами, ея предводителямъ поставлены памятники, и пѣхота того времени съ благодарностью и уваженіемъ произносила имена героевъ—конниковъ. Та конница, очевидно, была доблестною помощницею своей пѣхоты, хотѣла и умѣла умирать за нее и рядомъ съ нею. Тогда широко дѣйствовали лавы казачьи, и русская конница въ каждую нужную минуту появлялась въ тылу у противника и наносила ему тяжелые удары.

Прошло почти сто лѣтъ. Въ Русско-японскую войну многочисленная (сравнительно съ конницей противника) русская конница наводнила поля Маньчжуріи; она не имѣла противъ себя коннаго противника, а между тѣмъ дѣйствія ея свелись почти къ нулю. Нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ конныхъ атакъ частями отъ взвода до полка—и всегда удачныхъ,—набѣгъ на Инкоу, Хайченскій набѣгъ, Факумынскій набѣгъ—всѣ три совершенные съ полу-успѣхомъ—вотъ и вся работа конницы на протяженіи почти полутора-годовой войны. Послѣ нея стали появляться въ періодической печати статьи и замѣтки съ упреками по адресу конницы. Въ то время, говорилось въ этихъ замѣткахъ, когда пѣхота умирала на поляхъ сраже-

ня—конница бездѣйствовала. Тюренченъ, Вафангоо, Даппчао, Лаоянь, Шахе, Мукденъ—эти кровавыя скрижали не имѣютъ на себѣ именъ конныхъ полковъ, сумѣвшихъ смертию своею защитить пѣхоту, своею жертвою повернувшихъ успѣхъ сраженія въ нашу сторону.

И затѣмъ, очень часто послѣ этихъ воспоминаній слышишь поспѣшный выводъ: конница отжила свой вѣкъ. Она перестала быть самостоятельнымъ родомъ войскъ, стала вспомогательнымъ войскомъ. Ея функціи—органы развѣдки и связи. Иные въ своихъ выводахъ идутъ еще дальше—они говорятъ, что и для развѣдки конница мало полезна. Тайная развѣдка съ одной стороны, съ другою—работа пѣхотныхъ развѣдчиковъ съ лихвою покрываютъ работу конницы. Воздушный флотъ во много разъ продуктивнѣе выполнить работу развѣдыванія и наблюденія—итакъ для чего же держать этотъ дорого стоящій, хрупкій и капризный родъ войскъ, требующій и большихъ затратъ и особеннаго воспитанія. Конница могла работать въ тѣ времена, когда техника была ничтожна, ружье стрѣляло на двѣсти шаговъ, заряжалось медленно и лучшимъ средствомъ передачи воли начальства считались ординарцы и конные посыльные.

Золотой вѣкъ конницы миновалъ.

Попробуемъ сравнить сначала конницу Наполеоновскихъ войнъ съ конницею современною.

Конскій составъ сталъ за сто лѣтъ много выше. Кровнѣе, рѣзвѣе, выносливѣе и крупнѣе стали лошади. Соотвѣтственной работой лошадь нынѣшней конницы приноровлена къ современному ружью и къ ширинѣ и глубинѣ теперешнихъ боевыхъ порядковъ.

Снаряженіе, вьюкъ болѣе приспособлены къ лошади и менѣе вредятъ ей, нежели сто лѣтъ тому назадъ. Вооруженіе, если не считать винтовки, осталось почти тѣмъ же, но стало легче и прочнѣе, уничтожена броня.

Духъ конницы, если судить по отдѣльнымъ подвигамъ, совершеннымъ офицерами, казаками и драгунами въ Русско-японскую войну все тотъ же полный доблести и благороднаго порыва.

Чего же тогда не хватало? Не хватало умѣнья использовать конницу, не хватало правильнаго, мирнаго обученія конницы въ духѣ непрерывной конной работы....

Возьмемъ всего двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Какія идеи витали тогда въ военномъ обществѣ вообще, въ частности въ обществѣ кавалерійскомъ? «Конница есть глаза и уши арміи».... т. е. конница—органы развѣдыванія и охраненія, но не боя. Пѣхотѣ

говорили въ это время — «дерись, какъ можно крѣпче, стрѣляй, иди на врага со штыкомъ; сломался штыкъ, бей прикладомъ; сломалъ прикладъ, дерись кулаками, грызи зубами—но только дерись, бей, побѣждай!» Конница только развѣдываетъ. Рубка была въ загонѣ. «Офицеръ не мясникъ» — его дѣло руководить дѣйствіями нижнихъ чиновъ, а не рубить. Такая постановка дѣла какъ бы исключала и самую возможность руконашнаго боя и атаки. На маневрахъ посредники жестоко осуждали кавалерійскія атаки, называли ихъ батальными картинками, а самое проникновеніе конницы въ тылъ считалось невысказаннымъ. Кавалерійскіе корпуса были упразднены. Настойчивая работа такихъ корифеевъ коннаго дѣла, какъ генералы Гурко, Сухотинъ, Сухомлиновъ, кое-гдѣ подвергалась критикѣ—на войнѣ, дескать, это невозможно.... И на войнѣ «этого», т. е. постоянной, самостоятельной работы конницы и не практиковали.

И послѣ войны всѣ противники смѣлой работы конницы съ радостью упираютъ на Инкоускій набѣгъ и указываютъ на то малое, что онъ сдѣлалъ. Вина вѣтъ генераль Мищенко.... Такъ ли это? Вина вѣтъ ли этотъ доблестный генераль, рыцарь безъ страха и упрека, что ему пришлось совершить кавалерійскою дѣло *съ не по-кавалерійски обученными частями*? Та пестрая толпа казачьихъ полковъ, тѣ драгуны, которые пошли съ генераломъ Мищенко въ набѣгъ, имѣли ли въ мирное время практику такихъ набѣговъ? Были ли они обучены *самостоятельнымъ* дѣйствіямъ, борьбѣ за побѣду до послѣдняго, отчаянной схваткѣ, занимались ли они хотя въ мирное время на маневрахъ боемъ въ массахъ? Вина вѣтъ одинъ генераль Хорановъ въ томъ, что ночная атака спѣшенными частями станціи Инкоу была произведена безграмотно, что казаки и понятія не имѣютъ о стрѣлковомъ наступательномъ боѣ, и объ атакѣ пѣшкомъ позиціи противника. Мнѣ кажется, что ни генераль Мищенко, ни генераль Хорановъ тутъ не причемъ. Это была ѣзда на невыѣженной лошади; вы хотите ее повернуть налево, она идетъ направо, пугается воза, закидывается, несетъ, падаетъ....

Мы говорили, да и теперь часто говоримъ: пѣшкомъ конница только обороняется. Стрѣляетъ лишь на ближнія дистанціи—нѣшій бой не ея дѣло.... Что же ея дѣло? Атаки невозможны (такъ говорили), пѣшкомъ одна оборона.... И снова напираютъ на одну идею—конница это органъ охраненія и развѣдыванія.

Спросите тѣхъ драгунъ, донцовъ, забайкальцевъ, сибиряковъ и уральцевъ, которые ходили въ Инкоускій набѣгъ, въ чемъ практиковали ихъ въ мирное время на маневрахъ.

Маленькіе разъѣзды, развѣдка, сторожевка, держаніе постовъ летучей почты—это въ лучшемъ случаѣ. Въ худшемъ—они возили за начальниками разныхъ степеней флаги, значки, планшеты, плащи и иные предметы до калашъ включительно. Офицеры вели отчетные листы по фуражу, отсчитывались въ разныхъ видахъ довольствія, трепетали, чтобы щи не оказались мало наваристыми, пли каша мало упрѣвшей,—согласитесь, что отъ этихъ весьма почтенныхъ работъ до ночной атаки большими силами—дистанція огромнаго размѣра.

Видали ли вы, чтобы на маневрахъ большой конный отрядъ вель самостоятельный маневръ съ боемъ въ пѣшемъ и конномъ строяхъ большими силами? Я видалъ только въ Петербургскомъ округѣ. Слышали ли вы о боевой стрѣльбѣ съ маневрированіемъ дивизій конницы съ конной артилеріей?

Этого не было. Такъ иногда дадутъ гдѣ-либо на флангъ пострѣлять одному—двумъ эскадронамъ и только...

Для громаднаго большинства нашей конницы въ чемъ проходятъ маневры? Эскадронъ или сотня при пѣхотѣ. Тоскливые переходы по 12—20 верстъ въ день, все шагомъ и шагомъ. Высылка разъѣздовъ, назначеніе ординарцевъ, а самъ эскадронный командиръ съ 15-ю—20-ю рядовыми плетется въ концѣ колонны. Какъ будетъ онъ умирать рядомъ съ пѣхотой и за пѣхоту, когда ему не съ чѣмъ умирать? Отъ длиннаго ряда лѣтъ, проведенныхъ на маневрахъ, остается скучное воспоминаніе о маневрахъ съ пѣхотой. И вдругъ война и пожалуйста рейдъ чуть не ста эскадроновъ и сотенъ. Такое примѣненіе военнаго дѣла à vive ouvert далеко не всякому по плечу. Да и люди не привыкли. Въ цѣпи подъ Инкоу, говорятъ очевидцы, люди шли баранами, сбивались въ кучи, теряли направленіе. Крикъ, шумъ, поправки...

Поздно было учить.

Скажите по совѣсти, господа эскадронные и сотенные командиры. учили и учите вы своихъ людей ходить змѣйками, разсыпаться цѣпи, перебѣгать согнувшись, умѣло примѣняться къ мѣстности, накапливаться, подползать? Знаете вы, что такое боевой участокъ, что такое равеніе въ бою? Видали вы, особенно до войны, движеніе въ атаку спѣшенной дивизіи? Я не видалъ.

Какъ же хотите вы, чтобы штурмъ Инкоу могъ выйти удачнымъ? Причемъ генераль Мищенко или генераль Хорановъ, когда *никто* не зналъ, какъ это дѣлать, никто въ мирное время этого не дѣлалъ?..

Ходили вы въ мирное время массаи конницы, организовывали

довольствіе, обозы, связь? Да, кое-гдѣ, въ Петербургскомъ, Варшавскомъ и Кіевскомъ округахъ это дѣлалось, но увѣренъ, что тѣ части, которыя пошли на Инкоу, этого не могли продѣлывать въ мирное время... и т. д., и т. д. «Они не знали.» Въ этомъ ихъ тягчайшая вина. «Ихъ не учили» — въ этомъ имъ крошечное оправданіе.

Не знали, не учили... но вѣдь теперь-то нужно знать, нужно учить...

Новый кавалерійскій уставъ написанъ удивительно хорошо. Главы о боѣ полны такого увлекательнаго подъема, такъ красивы, что ихъ читаешь, какъ романъ. Уставъ полонъ наступательнаго направленія, онъ настойчиво требуетъ отъ конницы дѣятельности и боя, конница должна умирать, неся побѣду своей пѣхотѣ.

Новѣйшія техническія средства, воздушный флотъ, радіотелеграфныя станціи, автомобильныя части, новыя орудія, пулеметы, автоматическія ружья,—все это, имѣя громадныя положительныя стороны, загромаждаетъ тылъ арміи чрезвычайно. Фабрики водорода, сараи, склады бензина, снарядовъ, патроновъ наполнять на много десятковъ верстъ тылъ непріятельской арміи. Охранить все это достаточными силами полагаю невозможнымъ. И вотъ для конницы, для конницы достаточной и искусной, является широкое поле дѣятельности. На каждомъ шагу будутъ у нея объекты для нанаденія и уничтоженія.

Теперь каждый кавалерійскій офицеръ долженъ быть и опытнымъ шофферомъ и хорошимъ летчикомъ, чтобы не только уничтожать забранныя у непріятеля машины, но и использовать ихъ для себя.

Сила кавалеріи въ томъ, что она «скачетъ, куда хочетъ», какъ конь въ шахматной игрѣ, конница появляется внезапно и ея ходы разрушаютъ самые тщательно комбинированные планы.

Если въ 1812 году казачьи лавы Платова изматывали лучшую французскую конницу, то теперь казачьи лавы могутъ парализовать цѣлыя арміи. А каково это отразится на современной арміи неврастениковъ? А что число таковыхъ растеть не только у сосѣдей, но и у насъ, показываетъ слѣдующій случай, имѣвшій недавно мѣсто у меня на глазахъ. Одинъ начальникъ призываетъ къ себѣ старшаго унтеръ-офицера.

— Я тебя желаю назначить фельдфебелемъ.

— Ваше высокоблагородіе, увольте...

— Это почему?

— Нервы не позволяютъ.

Здоровый, красивый дѣтина, сынъ крестьянина и вдругъ— нервы...

Я увѣренъ, что у насъ это случай рѣдкій, въ западныхъ арміяхъ—это случай обычный. На маневрахъ, въ горахъ, три сотни внезапно атаковали авангардъ и окружили его два орудія. И вотъ на маневрахъ же подпрапорщикъ, командовавшій этими двумя орудіями, при видѣ каждаго казака снималъ орудія съ передковъ. Это все—нервы. Не буду будить тяжелыя воспоминанія, скажу лишь четыре имени—Тюренчень, Вафангоо, станція Фандзятунъ и Мукденъ. Подъ Тюренченомъ нѣсколько нашихъ же ѣздовыхъ, скакавшихъ въ безпорядкѣ къ отступавшему Восточному отряду, вызвали панику, подъ Вафангоо ночью паша сотня была принята за кавалерію японцевъ и поднялась беспорядочная стрѣльба, подъ Мукденомъ—паника у Пухэ вызвана двумя эскадронами, и два эскадрона, предводимыхъ доблестными офицерами, появившись въ глубокомъ тылу у станціи Фандзятунъ, заставили наканунѣ рѣшительнаго сраженія въ равнинѣ отослать донскую дивизію въ глубокій тылъ. Это все—нервы.

Случалось ли вамъ въ разгаръ сраженія попасть въ тылъ арміи? Вотъ вы миновали линію стрѣлковыхъ цѣпей, гдѣ, несмотря на непрерывное шелканье выстрѣловъ, на тревожный свистъ пуль, на вихрь смерти, носящійся надъ людьми, царитъ жуткая тишина. Все припало къ землѣ, въ ней ища защиты. Лица блѣдны, глаза неестественно расширены. Чтобы встать здѣсь во весь ростъ нужно не мало мужества, появиться верхомъ на лошади—немыслимо.

Полоса земли 300--600 шаговъ и притаившись, закрывши голову руками, точно руки спасутъ отъ пуль, лежатъ поддержки... Тутъ пули свистятъ рѣже, ихъ свистъ не такой рѣзкій, болѣе пѣвучій, но и здѣсь блѣдныя лица, напряженное вниманіе и здѣсь царство смерти; никто не поднимается и только офицеръ въ полусидячей позѣ разглядываетъ въ бинокль позицію противника...

Отсюда бѣжитъ черною змѣею проволока телефона на батарею. Несмотря на вихрь смерти, проносящійся надъ батареею, на частыя бѣлые дымки шрапнели, вдругъ появляющіеся впереди орудій, и на стремительный свистъ шрапнельныхъ пуль, несущихъ увѣче и смерть, на батарею уже какъ-то спокойнѣе. Люди бѣгаютъ; то прячутся въ ровикахъ, то вылѣзаютъ наружу, то лежатъ, то стоятъ во весь ростъ, и грохотъ пушекъ и ревъ снарядовъ заглушаютъ свистъ рѣдкихъ, далекихъ излетныхъ пуль. Дальше версты на полторы—только раненые, уныло бредущіе въ наскоро сдѣланныхъ, черныхъ отъ крови, повязкахъ. За какимъ-нибудь

прикрытіемъ притаились вѣстовые съ лошадьми, бредеть умный осликъ, безъ провожатаго несущій патроны въ цѣпь.

Затѣмъ — перевязочные пункты, заваленные ранеными и убитыми, возлѣ которыхъ ходятъ въ бѣлыхъ фартукахъ врачи, сестры, а въ сторонкѣ священникъ торопливо читаетъ отходную. Сюда пули не залетаютъ, шрапнели рвутся далеко и все на одномъ и томъ же мѣстѣ, давая высокіе разрывы, но здѣсь уже начинаются настоящіе нервы. Здѣсь къ оборонѣ не способны.

Измученные непосильною работою, видомъ человѣческихъ страданій, раскромсанныхъ снарядами и ножами хирурговъ окровавленныхъ тѣлъ, не знающие, что дѣлается тамъ впереди—эти люди доживаютъ до высшаго переутомленія нервовъ...

Еще дальше въ новой войнѣ будутъ стоять большіе переносные сараи, бочки бензина, приборы для добыванія водорода, отсюда будутъ взлетать и сюда спускаться съ тревожнымъ трескомъ пропеллеровъ аэропланы.

Маленькія безпечныя прикрытія. Густыя массы лошадей возлѣ обозовъ и артилерійскихъ парковъ. Неизвѣстность того, что дѣлается впереди, обиліе людей съ истрепанными нервами, безразличіе передъ смертію въ облакахъ, передъ смертію, нанесенною снарядомъ, пулями, ядрами, и ужасъ передъ человѣкомъ-убійцей, идущимъ съ шашкой, штыкомъ или пикой.

Маленькія группы людей, очень ученыхъ, очень искусныхъ въ механикѣ, высшей математикѣ и совсѣмъ не признающихъ рукопашнаго боя, капризные аэропланы, на которыхъ не всегда можно сѣсть и улетѣть, шумливые, издали видные автомобили; еще дальше—желѣзная дорога, большая сѣть телефоновъ и телеграфовъ, радіографныя станціи — та периферическая нервная система, которая идетъ къ главнокомандующему.

Подумайте, какъ все это хрупко! Какъ заманчивы рейды и набѣги именно сюда. Не на станцію Инкоу, гдѣ ничего нѣтъ, а на станцію Ляоянь, гдѣ рѣшетъ бѣлый флагъ съ краснымъ кругомъ и расходящимися отъ него лучами красной матеріи... Не на Фандзятунь, гдѣ одинъ фельдфебель Харинъ, не имѣющій къ тому же нервовъ, а на Мукденъ, гдѣ множество праздношатающагося военнаго и притомъ безоружнаго люда.

Вотъ задачи конницы... Вотъ громадная дѣятельность самостоятельной конницѣ, не связанной никакими частными задачами и получившей лишь общую директиву главнокомандующаго.

Вихрь, затерявшійся въ пустынь и который не найдешь и не обнаружишь—вотъ ея движенія.

Для охраненія и развѣдыванія пѣхотѣ тоже нужна конница и пусть она будетъ. Но одновременно съ нею должны быть взяты отборные люди по духу и по силѣ, самые предприимчивые и смѣлые, отборныя по рѣзвости и выносливости лошади и создано нѣсколько корпусовъ особой кавалеріи. Назовите ее какъ хотите—армейской, въ отличіе отъ дивизионной, самостоятельной, въ отличіе отъ приданной пѣхотѣ—но и въ мирное время ведите ее обученіе широко въ духѣ современнаго устава. Молодые вожди, всѣ аттестованные «безпокойными», всѣ самостоятельные характерами, твердые волею, неутомимые на конѣ, должны быть отобраны сюда и проходить здѣсь курсъ той смѣлой работы, выполнять которую имъ придется на войнѣ. Въ эти полки—кровныя лошади, въ эти полки—легкія горныя пушки, вьючный обозъ и пулеметы; при этихъ полкахъ—самолеты для широкой развѣдки, въ этихъ полкахъ—просторъ чистаго поля и отсутствіе нарядовъ на заставы, на ординарцы, на службу связи.

Половина донскихъ казаковъ, тѣхъ, что приходитъ съ низовьевъ Дона, что сидитъ на крупныхъ и кровныхъ лошадяхъ можетъ составить одинъ—два такихъ летучихъ корпуса, регулярная конница дастъ таковыхъ же два—три корпуса—остальное отдайте на службу пѣхотѣ для ближней развѣдки, для охраненія фланговъ, для службы связи.

Золотой вѣкъ конницы начинается снова, отъ насъ зависитъ въ ближайшую войну любоваться ея подвигами и превозносить ея героевъ, или снова конфузиться передъ неудачами импровизированныхъ набѣговъ, составныхъ, не обученныхъ въ мирное время отрядовъ конницы, призванной для самостоятельной работы и не знающей этой работы въ мирное время...

Если нельзя вести обученіе всей конницы въ самостоятельномъ духѣ новаго устава, если у насъ на это нѣтъ ни силъ, ни средствъ—намъ нужно приступить теперь же къ организаціи и серьезному обученію самостоятельной конницы въ крупныхъ соединеніяхъ, прочно созданныхъ въ мирное время и остающихся нерушимыми въ военное.

Не надо забывать, что «организація не терпитъ импровизаціи», что на войнѣ мы хорошо будемъ дѣлать лишь то, что прочно усвоили въ мирное время... «*Sans une cavalerie expérimentée et suffisante les armées marchent en aveugle et sont compromises*».

Гр. А. Д.

